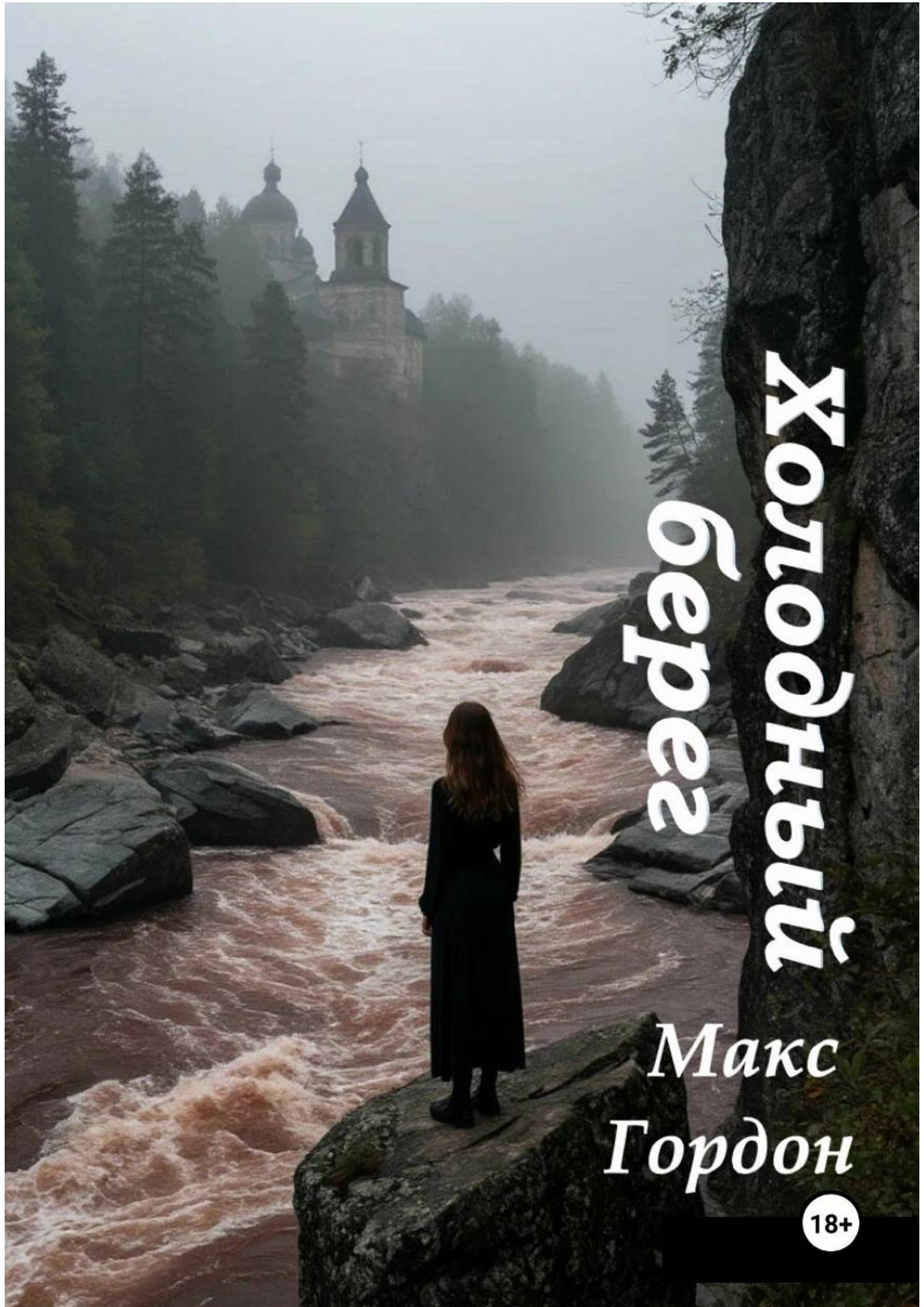

Холодный берег

Макс
Гордон

18+

Макс Гордон

Холодный берег

«Автор»

2026

Макс Гордон

Холодный берег / Макс Гордон — «Автор», 2026

Она ненавидела мужа, спасала чужие жизни и умерла в монастыре, так и не дождавшись его прощения. Сорок шесть лет её душа ждала, пока кто-нибудь вспомнит о её существовании. История началась на тонущем пароходе, продолжилась в обители на краю земли и закончилась там, где, казалось, не бывает финалов. Однажды канадский писатель Стив, уставший от собственного вранья, случайно слышит эту историю. Он бросает всё и летит за океан, чтобы вернуть этой женщине право на память. Спустя полвека две души воссоединяются вновь, благодаря страницам его новой книги.

© Макс Гордон, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Держись подальше от бородатых незнакомцев	6
Она	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Макс Гордон

Холодный берег

Глава

Примечание

Стив - владелец небольшого литературного агентства, которое занимается переводом и адаптацией текстов с русского на английский. Благодаря его терпению и мастерству несколько моих книг увидели свет по ту сторону океана. Недавно он доверительно рассказал, что когда-то и сам занимался писательством, и предложит прочитать неопубликованную повесть. Прочитав, я не смог удержаться и задал ему единственный вопрос – «эта история случилась на самом деле?».

На этот раз мы со Стивом поменялись ролями. Я дал слово не указывать фамилию автора и выложить книгу в свободном доступе, и собираюсь его сдержать.

Держись подальше от бородатых незнакомцев

- Она ненавидела его всей душой, но ненависть прошла, а вина осталась...

С этих слов, оброненных незнакомым стариком, моя жизнь понеслась в другом направлении. Я сидел в баре, в городке под названием Уайтхорс, и размышлял о том, как бессовестно обманываю читателей. Мистические детективы «Кейн против тьмы» получили признание у любителей жанра, но, если смотреть правде в глаза, все написанное было фальшивкой.

За окном, под которым сидел старик, качались верхушки высоких елей. По подоконнику монотонно барабанил дождь, капли скатывались по мутному стеклу, рисуя паутину из неровных дорожек. К бару подъехал черный седан, темноту разрубили желтоватые фары. Свет ослепил, заставив прикрыть глаза, и в этот миг показалось, что незнакомец плачет.

Я моргнул, и наваждение тут же прошло, за соседним столом сидел седовласый мужчина. Истинный возраст скрывала густая борода – на вид за семьдесят, но с живыми, молодыми глазами. В светло-синих зрачках зияла внеземная тоска, которой мне еще не доводилось видеть. И в этот миг, неожиданно для себя, я понял, что хочу услышать его историю.

Убедившись, что за соседним столом он один, взял стул и придвину к столику незнакомца. – Почему она ненавидела его? – смешно признаться, но я действительно жаждал ответа. Не кто «Она», и не кто этот «Он», меня терзала причина ненависти.

Взгляд бледно-синих глаз сфокусировался на моем лице, на лбу проступили тонкие морщины. Длинные пальцы замерли на краю кружки. Старик удивленно разглядывал меня, будто я появился из ниоткуда.

- Простите? – после паузы произнес он, брови над переносицей подчеркнули неподдельное удивление.

- Вы сказали, что она ненавидела его всей душой. Так почему она его ненавидела?

Молчание продолжалось больше двух минут. За это время хлопнула дверь бара, и в помещение, вместе с ветром и морозящим дождем, зашел водитель черного седана. – Ну и погода, - с полуулыбкой произнес он на канадский манер, вместо приветствия.

Мне было неловко повторять вопрос, тем более пожилому и незнакомому человеку. Я встал со стула, собираясь уходить, но бородатый старик решил ответить. Тембр голоса и легкая хрипотца тут же приковали мое внимание. В следующую секунду я снова опустился на стул, чтобы оказаться в далеком Красноярском крае.

Она

Холодный берег покрыт коркой льда, внизу Енисей катит свинцовые воды. В волнах отражаются черные облака, в которые упираются вековые сосны. Вдалеке возвышается пологий холм, на склонах виднеются крыши времянок.

У подножия холма поселок Турухан, затерянный в глуши Сибирского леса. Два десятка покосившихся изб, из печных труб вьется сизая дымка. На берегу скрипит прогнившая пристань. Несколько рыбацких лодок смотрят в небо залатанными днищами.

На самой верхушке пологого холма мрачно темнеют крыши бараков. Длинные строения из грубо обтесанных бревен, обнесенных двойным частоколом, обтянутым по верху колючей проволокой. Ворота с будкой, хриплый лай собак и несколько вышек с вооруженными часовыми.

Здесь земля отвернулась от неба, здесь открываются ворота в ад, здесь цепляются за жизнь обреченные души. Лучшего места для ссылки не сыскать, это поняли во времена царской власти. Теперь это отдельный лагерный пункт, или ОЛП «Северный», семидесятые годы.

Чуть в стороне от мрачной тюрьмы виден купол Свято-Троицкого мужского монастыря. При царе купол был выше, но ветер и дожди опустили его, будто в наказание или смирение. Из хмурой зелени выделяется церковь с потемневшим от времени и растрескавшимся белым фасадом.

Она втиснута между рекой и тюрьмой, словно зажата между милосердием и отчаянием. Колокольня разобрана на кирпичи, на ветру торчат балки и болтаются тросы. На оборванных тросах ветер играет музыку молитв, но крест рядом держится, как символ надежды.

Дальше вдоль просеки, за рощицей хилых берез, прячется обитель сестер милосердия, воздвигнутая во имя Покрова-Пресвятой Богородицы. Несколько квадратных, рубленых изб, обнесенных низким резным забором. Крыши из дранки и узкие бойницы окон, серые рясы сушатся на бельевой веревке.

Здесь живут женщины, посвятившие себя Христу. Трое сестер-монахинь и дюжина послушниц. В числе послушниц живет Она, высокая женщина по имени Анна. У Анны красивое, но немолодое лицо, высокие скулы и точеный подбородок. У этой женщины красивая грудь, выпирающая сквозь холщовую ткань округлыми полушариями.

Глаза зеленые, но в глубине этих глаз сокрыты невзгоды, печали и горе. Светлые волосы собраны в тугую косу, безжалостно стянутую в узел у затылка. Фигура сохранила былую красоту, но она погребена под бесформенным балахоном. У Анны глубокий и пронзительный взгляд, но огонь тут же гаснет, заливаясь смирением.

По воскресеньям послушницы идут в церковь, держат в руках огарки свечей, стараясь не испачкать застиранные рясы. После службы подходят к святому отцу. Перед исповедальной образуется скромная очередь. Расстояние для откровений слишком мало, в тесном пространстве разносится каждое слово.

На это внимание никто не обращает, как не обращают внимание на чужую боль. Турухан не место, чтобы хранить секреты. Здесь никто не заглядывает в чужие грехи. Тут живут и работают простецкие люди, и у каждого есть общая цель. Из минут сложить час, а за ним еще и еще один, а потом пережить бессонную ночь.

- Простите, святой отец, ибо я согрешила..., - шепот хриплый, грязные волосы застилают лицо. Он сжимает девичьи пальцы в своих теплых ладонях, пытаясь заглянуть под пряди волос. Щеки в саже, пальцы загрубели от холода, посиневшие губы обкусаны до крови.

Анна старшая из послушниц, ей исполнилось тридцать, а многим девицам меньше двадцати. И у всех один грех – естественно, кроме Анны – девушкам снятся откровенные сны.

– Простите, святой отец, ибо я согрешила! Во сне разрешала себя целовать, - шепчет Софья, и вздрагивает, когда руки благочинного отца бережно согревают онемевшие пальцы. Она симпатичная. Невысокая, но ладная, если б не шрамы от оспы, оставшиеся на щеках.

Отец Валерий здесь всего третий месяц, ему недавно исполнилось двадцать шесть. Нет ни бороды, ни поседевшей гривы, на незнакомца из бара он не похож. А главное – нет мудрости, накопленной годами, он внутренне краснеет от девичьих снов.

- Бог простит, дочь моя, если ты искренне раскаиваешься, - он пожимает ей пальцы и заглядывает в глаза. Раскаянья нет, но стоит ли на это рассчитывать? Софье двадцать один, у нее нету прошлого и ничего за душой, кроме плотских снов.

Анна всегда подходит последней, она единственная, кто смотрит в глаза. Она не протягивает священнику руки, тонкие пальцы сжаты в кулаки. На запястьях старые зарубцевавшиеся шрамы, и незажившая рана в огрубевшей душе.

- Простите мои грехи, святой отец. Грешница. Каюсь. – в ее глазах раскаянье есть. В них много больше, чем просто раскаяние, но в словах никогда продолжения нет. Отец Валерий ждет - может что-то добавит, но старшая послушница молча смотрит в глаза.

Она ждет поддержку, утешение, кару. Ему двадцать шесть, что он может сказать? Где найти такие слова, чтобы залечить ее рану, и что это за рана - хотел бы он знать. Пауза затягивается, она постоянно затягивается. Анна молчит, не торопит его.

«Мне неизвестно, что ты сотворила, как неизвестно и другое – простишь ли ты себя?». Но вместо этого он старательно подбирает тон, - бог простит, дочь моя, если искренне раскаиваешься. - Не те слова, что она хотела услышать, да и существуют ли на свете такие слова, способные облегчить душевные муки?

Анна кивает, и отворачивается от него. Послушницы удаляются, церквушка замирает. Отец Валерий остается один. Приближается вечер, за окнами воет вьюга. На шквальном ветру поет оборванный трос. А внизу под холмом, молчаливый и безучастный, бежит подо льдом могучий Енисей.

С приходом зимы жизнь в Турухане замирает, из-за колючки реже доносится лай собак. Последние подёшники сплавилась по реке в конце ноября, когда метель обрушилась на поселок, остались те, кому некуда уходить. Четыреста душ, отделенных от внешнего мира километрами леса, помноженного на мороз.

Работа напрягает мышцы до хруста в суставах, но изгоняет дурные мысли из головы. А непогода, как вирус, выискивает пороки и цепляет разум за больные места. В непогоду вспоминаются былые обиды или оброненные не к месту злые слова. Люди лечат подобное – подобным, и, чтобы охладить душу, глотают самогон.

В замкнутом мире, да в тесном пространстве, спиртное подбрасывает веток в огонь. Здесь некуда бежать от собственных мыслей. Недобрый взгляд или ненужное слово, и разгорается пламя забытых ссор. Здесь нет милиции, здесь свои законы – кто выжил, тот и останется прав. Ибо сила становится единственным голосом, а молчание воспринимают, как признак вины.

Вечером, в последний день уходящей осени, к отцу Валерию врывается мальчуган. Ваньке десять, невысокий и щуплый, как девица, даже в отцовской фуфайке выглядит очень худым. Забежал в избу, остановился у порога, тяжело дышит, пытается дверь закрыть.

Снаружи вьюга, у Ваньки сил не хватает. Отец Валерий помогает захлопнуть дверь. Мальчишка смотрит на него, в глазах тревога, дыхание сбилось, пытается руками рассказать. За спину указывает, оживленно жестикулирует, похоже на то, что кто-то лежит.

- Чего пришел? – спрашивает отец Валерий, а сам засовывает ноги в валенки.

- Батюшка, батюшка, там в соседнем доме у дяди Семена нож в животе!

- Вот беда! А за доктором посылали? – спрашивает батюшка, накидывая тулуп.

Пальцы дрожат, пуговицы выскакивают из петель, но хуже мысли, явившиеся в суе. В забытом поселке нет своего доктора, есть только фельдшер, что служит в тюрьме. Степан

Матвеевич свое дело знает и крови не боится, уж посмотрелся ее. Но если его не окажется на месте...

Последнее батюшка не успевает додумать, его неожиданно обрывает Иван.

- Доктор пришел. Перевязал дядьку Сенью. А позже велел за вами бежать.

Осталось застегнуть последнюю пуговицу, но, услышав последнее, она вырывается из петли.

- Господи помилуй, - шепчет святой отец и, схватив шапку, выходит в метель.

Ванька бежит впереди. Через десять шагов оборачивается – не отстал ли батюшка, не сбежал ли домой? А сзади, пошатываясь, идет отец Валерий и шепчет молитву. Ему двадцать шесть.

В деревянной избе, что предпоследняя к лесу, пахнет самогоном, светло и тепло. На грязном полу хрустят глиняные осколки, в углу на кровати лежит человек. В другом углу на деревянной скамейке, прислонившись спиной к кирпичной печи, тихо всхлипывает немолодая и неухоженная женщина.

На женщине грязный, нестиранный платок, залатанный халат с прожженными рукавами. Лицо человека, лежащего на кровати, застилает густая, поседевшая борода. Тело по подбородок накрыто простынями, в глазах застыли надежда, страх и боль.

Над больным возвышается Степан Матвеевич. Лицо спокойное, для него уже все решено. Фельдшер многозначительно пожимает плечами – мол, тут уже ничем не помочь. Мужик пытается повернуться на бок, отчего из груди вырывается стон. Глаза смотрят на стол, на початую бутылку.

- Можно? – одними губами шепчет он.

Фельдшер думает и снова пожимает плечами – мол, хуже не будет. Женщина вскакивает, хватает бутылку, и едва не бегом несет мужику. Протягивает мужу, на лице обожание, а на правом предплечье блестит свежий синяк.

- Пей, мой хороший, - она гладит мужа, пока тот прикладывает бутылку к губам. – Пей, мой ласковый, - шепчет женщина.

Священник и фельдшер оставляют их вдвоем. Степан Матвеевич отводит отца Валерия в дальний угол, где они могут перекинуться парой коротких слов.

- Выпил. Поссорились. Решил топором погонять свою бабу, - шепчет фельдшер. – А она в кои-то веки дала отпор. - Оба оборачиваются, смотрят на супругов. Из раскрытой печи дышит жар. В зрачках пляшет пламя, боль, надежда, тревога. Никто из их не собирался умирать.

«Грешен человек» - думает отец Валерий, - «не ценит жизнь, когда она есть. А потом цепляется за остатки жизни, которая вытекает прямо на глазах. Ненужные слова и ненужная ссора, а теперь уже ничего не вернуть». – Морфин остался? – спрашивает он у фельдшера.

Степан Матвеевич качает головой. Сзади слышен стон, оба оборачиваются. Мужчина охает, тяжело дышит, хватается за живот. Женщина в испуге оборачивается к фельдшеру, а тот, практически не мигая, продолжает смотреть на святого отца.

Медленно, на негнувшихся ногах отец Валерий возвращается к кровати, чувствует запах крови, запах смерти и запах кишок. Женщина рыдает, мужчина вновь стонет, и оба с мольбой глядят на него. Как будто он фельдшер, а не Степан Матвеевич. Как будто морфий должен быть у него.

У отца Валерия нет ничего, кроме молитвы. И он догадывается, это единственное, что есть у других. Мужчина стонет, женщина рыдает – «господи, чем-я-то могу помочь?». В глазах умирающего ужас, он из последних сил цепляется за остатки жизни, и с надеждой смотрит на святого отца.

- Отче наш, - читает отец Валерий – больше не для умирающего, дабы утешить себя. – Да придет Царствие Твое, да будет Воля Твоя».

Молитва помогла, она всегда помогает. Умиравший хватает воздух открытым ртом и шепчет за священником хриплым голосом, - хлеб наш насущный, - глаза закрываются, одна рука комкает простыню. Другая до боли впивается в локоть священника, тот не обращает внимание на пронзающую боль.

- Царство, и сила, и слава, - продолжает читать святой отец.

- Ныне и присно, - голос мужчины становится тихим, на губах кровавая пена, в груди обрывается хрип.

- И во веки веков. Аминь, - заканчивает одинокий голос святого отца. Он убирает руки усопшего, складывает их на впалой груди. Прикрывает веки онемевшими пальцами, накрывает голову грязной простыней. Он поднимается и, ни на кого не глядя, молча выходит на мороз из избы. Ему двадцать шесть, а спина ссутулена, словно у древнего старика.

К середине декабря морозы крепчают, столбик термометра замерзает на отметке минус тридцать семь. Поселковых не пугают такие морозы. Выходят только по крайней нужде, двигаются быстро, экономят дыхание. Отец Валерий к таким морозам не привык.

Стоит выйти на улицу, бронхи тут же заходятся в кашле, кажется, что воздух сгустился вокруг головы. Даже тень на снегу становится гуще, и это только начало зимы. На день памяти святителя Николая воздух остывает до минус сорока трех.

Местные турухановцы видали и не такое. Мужики надевают все рубахи и свитера, пихают газеты под латанные телогрейки. Отец Валерий подпоясывает тулуп, тяжелый от времени и ввевшегося мороза. Ноги в валенках обмотаны мешковиной, плотной и колючей, как сибирская жизнь.

От хижины до церкви не больше двухсот шагов, но и это расстояние пройти не просто. Горло обдирает лютый мороз, лезет в ноздри костлявыми пальцами. От ветра и мороза начинают слезиться глаза, влага застывает, не успев просохнуть.

«Сколько уже прошел? Сорок? Пятьдесят шагов?» - он трет глаза огрубевшими рукавицами, но все одно – дороги не видать. Валенки цепляются за сугроб и едва не слетают с ног, благочинный отец падает на землю. «Неужто заблудился? Засмеют, если помру!» - но отцу Валерию сейчас не до смеха.

Нитки рукавиц царапают веки, но ему удастся протереть глаза. Зрение возвращается на считанные минуты. Слева стоит церквушка, по правую руку открывается вид с холма – внизу, от реки, одинокий мужик тащит воду. На плече коромысла, на поясе топор - «оно ж конечно, по-другому до воды не добраться».

Отец Валерий встает, отряхивает снег, но не идет к церквушке, стоит на месте. Через несколько минут мужик появляется на холме, согнутый под ведрами и подгоняемый ветром. Мужик идет ближе, поднимает лицо – «да это не мужик, это сестра Анна».

Женщина одета в ватные штаны, в безразмерную телогрейку и мужицкую ушанку. Под фуфайкой видны многочисленные свитера, отчего фигура утратила женственность. Отец Валерий знает, что Анна послушница, а не сестра, но не может о ней думать, как о простой послушнице.

- Подождите, я помогу, - спохватывается святой отец.

Анна оборачивается, на лице улыбка. «Она улыбается, да в такой-то мороз!» - думает отец Валерий и стыдится за былую слабость. – Мне Бог помогает, - отвечает она, все с той же улыбкой и без тени сарказма. Послушница удаляется, а священник стоит, пытаясь понять, но не в силах осмыслить.

За холмом зеки рубят лес, в морозном воздухе эхо ударов разносится на многие километры. По звуку кажется, что удары топора приходятся не по древесине, а в металлический остов. Отец Валерий на минуту закрывает глаза и чудится, будто слышен звон церковного колокола.

Казалось, что хуже быть не может, но к концу декабря температура падает до минус сорока восьми градусов. От мороза стынет кровь, стынут мысли и стынут сердца. Несколько деревенских пьянчуг замерзают на улице. Но к смертям священник уже привык, беспокоит эпидемия, вспыхнувшая на зоне.

За колючей проволокой начался сыпной тиф, и старуха с косой идет по баракам. Тяжелой поступью, и ночью и днем, она уносит людей, не вглядываясь в души. Не важно сколько дали, и не важно за что, одна за другой пустеют койки.

В бараке номер пять смерть пометила сразу троих - покрасневшие лица и раздутые шеи. И тогда охранники соорудили отдельный барак, сколоченный наспех из полусгнивших бревен. Заключенные прозвали эту времянку «мертвяк», воздвигнутую особняком, в стороне от прочих.

Внутри ничего, кроме голых нар, на которых, скорчившись, валяются люди. Покрытые татуировкой пятен и синяков, больные просят пить, жалуются на жару, проклинают холод. Других, пребывающих в непрерывном бреде, размещают в дальнем конце барака.

Охранников с симптомами переводят в лазарет, который стремительно начинает наполняться. В ход идут ящики из-под консервов и патрон, когда все койки оказываются заняты. Из казенных людей смерть забирает сразу четверых, после чего мужики с оружием перестают церемониться.

Едва заключенный отличается от остальных, гонят в «мертвяк» прикладами и штыками. Приказы не обсуждаются, объяснения не берутся в расчет, неподчинение приравняется к попытке побега. В снегу за «мертвяком» громоздится куча из двух десятков тел, среди которых выделяются простреленные телогрейки.

Из барака доносятся стенания и плачь. Плачь протяжный, как будто тянет бесконечную ноту. Но временами слышится захлебывающийся смех, короткий и громкий, как автоматная очередь. Отец Валерий стоит на снегу, возле дверей. Мороз щиплет уши, но страх сильнее.

- Господи, сохрани и помилуй, - шепчет он, - помоги дожить до весны и уехать из Турухана. – Рука привычным движением осеняет крестом, но дверь барака внезапно открывается.

Святой отец едва не падает, пятясь назад, а из двери выходит послушница Анна. Бескровное лицо осунулось от голода и усталости, под глазами чернеют пятна кругов, но зрачки сияют решимостью и верой. В каждой руке по тяжелому жестяному ведру, из одного торчат окровавленные повязки, из другого воняет человеческими отходами.

Анна, не оглядываясь, уходит прочь. Под ногами гулко скрипит снег, ветер разрывает полы телогрейки. Отец Валерий молча глядит ей вслед, в груди что-то щелкает, страх отступает. Он снова осеняет себя крестом, но на этот раз ничего не просит.

Внутри оказывается неожиданно тепло, горницу освещают несколько жаровень. Душа противится называть ее «мертвяк», но, другого названия на ум не приходит. Множество грубо сколоченных топчанов, накрытых ветошью и грубой мешковиной, поверх которой, скрючившись, лежат тела.

Одни привязаны к доскам и метаются в бреде. Стонут. То срываются на хриплый крик, то выпускают звериное поскуливание. Другие лежат неподвижно, по подбородок укрытые тряпьем, со впалыми щеками и посиневшими губами. Губы издают тихий, монотонный стон, но на больше тела уже не способны. Третьи, их оказывается большинство, укрытые с головой, лежат в дальней части барака.

Воздух внутри осязаемый и густой, пахнет дымом, железом, потом и кровью. От аромата и тепла кружится голова, запах оседает на одежде, впитывается в кожу. Четверо послушниц снуют между топчанами, будто феи из добрых снов. Меняют холодные компрессы на разгоряченных лбах, смачивают синие губы водой из фляги.

Отец Валерий чувствует тяжесть собственного греха, вспоминая откровения, услышанные на исповедях. Юные девы, не познавшие мужских объятий наяву, касаются разгоряченных

тел, чтобы облегчить чужие страдания. Софья склоняется над мужчиной, которому не больше тридцати, подносит флягу к губам, взгляды переплетаются.

Святой отец наблюдает со стороны, как из взглядов рождается хрупкое чувство. Чужая боль и готовность ее разделить, этой ночью Софье снова приснится мужчина. Не стонущий, не умирающий больной, но живой, полный сил и желания. «Бог простит» - думает отец Валерий, сдерживая слезы.

На плечо ложится тяжелая ладонь, молодой священник вздрагивает, будто выныривая из глубокого омуты. Позади Степан Матвеевич, у него осунувшееся лицо, глаза молча отвечают на незадаанные вопросы. Лекарств и надежды на спасение нет, он может лишь продлить невыносимые муки.

Отец Валерий кивает, смотрит по сторонам, Софья уже у соседнего топчана. Там в бреду стонет другой больной. Бородатый мужчина с суровым лицом, тяжелые скулы будто высечены из камня. Грудь часто вздымается, огромные ладони сжаты в кулаки, а губы в бреду шепчут, - мама...

Лекарства нет, но спасение должно быть, с этой мыслью святой отец подходит к больному. При его приближении случается чудо из чудес – бородач открывает глаза и приходит в сознание. Священник пододвигает грубый табурет, садится, вынимает из-за пазухи деревянный образ.

- Крещеный? – спрашивает он, глядя в колючие глаза.

Мужик облизывает губы, молча кивает.

- Крещеный, это хорошо, - говорит святой отец, а сам думает, как такое возможно – «чтобы верующий в Бога человек убил двоих при вооруженном ограблении?». Но, для вопросов лишнего времени нет, осталось время на последнюю молитву. – Отче наш, - шепчет он, и губы мужика шевелятся, повторяя.

К концу второй недели отец Валерий думает, что уже привык видеть боль, отчаяние, угасающие взгляды. Но его первая зима в Турухане только началась, и каждый день приносит новые испытания. Степан Матвеевич, крепкий сорокалетний мужик, казался железным, как печь в углу лазарета.

Но ближе к крещению сдался и он, сотрясаясь в долгих приступах сухого кашля. Несколько раз отец Валерий замечал его, стоящим на пятидесятиградусном морозе. Из-под распахнутой телогрейки вздымается пар, шея и грудь покрыты алыми пятнами.

На следующий день фельдшер не появился в «мертвяке», а еще через день его обнаружили, висящим в петле. Похорон не случилось, тело бросили к десяткам других, никто не пенял на проявленное малодушие. Войдя в барак, расположенный на краю ОЛП, отца Валерия охватывает ужас.

Больных прибавилось, многие лежат на полу, топчанов для всех уже не хватает. Пред ним открылись двери, ведущие в ад, обнажив грешников, стонущих и стенающих. Алые пятна проступают на немых телах, кровоточат и гноятся, будто проказа.

Среди гнойного смрада и неприкаянных тел, он видит двух прекрасных послушниц. Анна, как гордый и молчаливый ледокол, с жестяным кувшином и мокрыми бинтами, продвигается по проходу, неся влагу и покой.

– Все пройдет, - раз за разом повторяет она, прикасаясь к разгоряченным лбам и меняя повязки.

Тихий голос, будто выточенный из тишины, заливает страдания, как вода гасит угли. Больные затихают, взгляды теряют былую остроту, стоны смолкают, дыхание становится ровным.

Позади старшей послушницы, словно юная и испуганная лань, спотыкаясь от ужаса, шагает Софья. Тонкие пальцы дрожащих рук сжимают драгоценный флакон с марганцовкой, под локтем левой руки мешковина и ткань. Дышит ртом, по щекам текут слезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.